

По словам Олега Газманова, студия у него небольшая и некоммерческая. На своих друзей — Владимира Преснякова и Валерия Сюткина — он сюда записываться пустил.

“Я отправил сына в казарму”

— Проясните ситуацию: ваш сын заканчивал колледж в Англии, а высшее образование приехал получать в Москву (поступил в Финансовую академию). Хотя уж куда логичнее было бы отправить его учиться финансам в Англии в каком-нибудь хорошем университете.

— Там нет таких девушек, как у нас. (Смеется.) Поэтому пока он два года учился там в колледже, он просто стонал. А если серьезно — мне хотелось, чтобы мы были вместе. Сейчас ему 18 — возраст, когда приобретаешь настоящих друзей, завязываются связи, отношения. Если бы все это ему дала Англия, ему нужно было бы оставаться там и дальше. Это был бы отрезанный ломоть. А потом Родион сам захотел учиться здесь, жить в России. Когда он уезжал в Англию, мы оба с самого начала знали, что это только на два года.

— Тогда, может, и смысла не было?

— Родиону было 14 лет. Еще маленький, но уже звезда. Учителя относились к нему неадекватно. Одни ставили пятерки только за то, что он Родион Газманов, другие, наоборот: ах, ты Родион Газманов, ну получи! Таким же было отношение сверстников. Я все время на гастролях — не до воспитания. В общем, такая ненормальная среда обитания, от которой я хотел его удалить и нашел в Англии школу с очень жесткой дисциплиной, где по утрам заставляли обливаться холодной водой и бегать кросс. По словам Родиона, это была просто казарма. Правда, сейчас он доволен, что все так получилось.

— В последнее время он стал принимать участие в ваших концертах. Вы вместе спели “Люси”, новогоднюю песню, “Танцуй, пока молодой”...

— Это не значит, что я хочу его раскрутить. Родион поет просто потому, что хочет петь — в свое

удовольствие. Летом я взял его с собой на гастроли. Мы выступали в Сочи и других городах. Причем Родион пел и мою песню “Мне не нравится дождь”. И получал у меня зарплату.

— Большую, если не секрет?

— Секрет.

— Вообще, в смысле денег он пока человек не самостоятельный?

— Пока нет. Но мы с ним решили, что после третьего курса он будет зарабатывать сам. Хотя, поверьте, мне хочется дать ему все. На восемнадцатилетие я подарил ему машину “Нива”.

— Балуете?

— Машина ему на самом деле необходима. У Академии, где он учится, несколько зданий в разных концах Москвы. С машиной — меньше времени на разъезды. А что, было бы лучше давать ему деньги на такси или нанять водителя? С другой стороны, я не хочу, чтобы все ему в жизни легко доставалось. Хочу, чтобы он понимал, что нужно всего самому добиваться, а не только в подарок получать. Я хочу, чтобы мой сын был защищен, чтобы мог самостоятельно выходить из всех сложных жизненных ситуаций. Хотя сейчас своей главной заслугой в его воспитании считаю то, что, если у него возникнут проблемы, он сразу придет ко мне. Потому что доверяет и уважает меня.

— Олег, Родиону уже 18. Вот женится, станет дедушкой... Как вам такая перспектива?

— Я боюсь, что стану дедушкой до того, как он женится. (Смеется.) И меня это радует. Я хотел бы внука или внучку... Но лучше пусть все будет тогда, когда должно быть. Парень он очень влюбчивый. Первый раз пришел домой с девушкой, когда ему, наверное, лет 14 было.

— Рекомендовал как будущую невесту?

— Сначала просто сказал: папа, познакомься, это... Я уже не помню, как ее звали. Зашла

зоды заставляют меня продолжать программу и писать те песни, которые я пишу. Хотя программа себя не окупает.

“Господа офицеры” — широкомасштабная акция. Последний раз в ней участвовало более двух с половиной сотен человек: и военный хор, и балет... И хотя она имеет ярко выраженную патриотическую направленность, не пользуется государственной поддержкой. Без постоянного спонсора ее очень трудно двигать дальше. Молодым и продвинутым хочется современной музыки, современных аранжировок. И у меня такие песни есть. Но вставить их в программу “Господа офицеры” я не могу — само ее название этого не допускает. Поэтому сейчас я хочу, оставаясь генеральным продюсером программы, превратить ее из собственных сольных концертов в фестиваль, который бы поддерживал инициативу создания патриотических песен. Найти спонсоров и учредить премию, скажем, за лучшую песню.

— Большинство наших исполнителей сейчас стараются двигаться в одном направлении — в направлении формата MTV. Вас на этом канале пока не видно. Просто и не пытаетесь пробиться или попытки все же были?

— Были попытки такого плана — у меня есть клип на песню “Мне не нравится дождь”. Песня эта во всех чартах занимала весьма приличное место. Но когда я спросил у того же Бориса Зосимова, своего знакомого: “Борь, а что не показываете?”, он ответил: “Знаешь, не формат”. Ну, не формат так не формат. Потом был ролик на песню “На заре”. Мне лично работа режиссера Влада Разгулина очень понравилась. Конечно, все можно было снять по моде, чтобы дрожала камера, мне волосы перекрасить в фиолетовый цвет... Да нет, я готов покраситься, но только если это будет отвечать содержанию песни. А так, чтобы просто попасть на MTV, — нет. Не хочу прогибаться под ситуацию. Если я буду им интересен, пусть сами придут и скажут: давай!

— Вы пятикратный лауреат премии “Овация” дважды — в номинации “Поэт года”. И при этом ваши стихи постоянно пытаются критиковать... Помните, в “Акулах пера” строчку “Под кожей рук твоих глаза дрожат” трактовали как эпизод фильма ужасов.

— Да, тогда, я помню, мне пришлось отшутиться: ну да, срезали девушке кожу с рук и накрыли холодные глаза. Сейчас уже ничего никому не объясняю. Потому что поэзию нельзя объяснить. Ее или чувствуешь, или нет. А подобные нападки не вызывают у меня никаких эмоций.

— А если бы у вас была возможность самому решать судьбу “Овации”, вы бы кому отдали статуетку?

— Сложно сказать. Я очень занятый человек и творчество своих коллег не успеваю отслеживать. А тут надо почитать, послушать. Мне, кстати, нравятся некоторые из тех, кто только начинает. Земфира нравится. Не вся ее поэзия, с какими-то ее строчками можно поспорить. Но вот “Я задыхаюсь от нежности” — это заставляет волноваться. Для меня было удивительно, что Юрий Шевчук ее обругал. Зачем? Пусть каждый делает то, что он может. “Не судите, да не судимы будете”.